

ВЕК XX: ЭТНИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

© 1993 г., ЭО, № 3

О. И. Брусина, А. Г. Осипов

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМЫ УЗБЕКИСТАНА

В последние годы состояние отечественных общественных наук, в частности этнографии, характеризуется теоретической и методологической неопределенностью. Старые доктрины и представления критикуются и постепенно выходят из употребления. Становление же новых концептуальных подходов, по-видимому, дело будущего. На первый план закономерно выдвигаются исследования, касающиеся актуальных сюжетов и имеющие прикладное значение. Этнографы и представители близких социальных дисциплин все в большей степени обращают свое профессиональное внимание на проблемы, обычно обозначаемые как «межнациональные отношения» и «этнополитика».

Едва ли можно говорить о сложившейся методологической базе подобных исследований. Тем не менее прослеживается четкая тенденция в подходах к анализу и интерпретации фактического материала. Она-то и вызывает серьезные сомнения. Дело в том, что в большинстве работ, посвященных актуальной «этнической» проблематике, этнические общности рассматриваются в качестве реальных субъектов общественных отношений. Социальные проблемы, прежде всего конфликты, оцениваются как результат взаимодействия именно этнических общностей. Деятельность людей в социальной и политической областях связывается с существованием специфических «этнических» интересов, выражающих позицию группы в целом и ее представителей. Идея субъектности этнической группы как таковой иногда формулируется открыто¹, но чаще содержится в логике отбора и оценки эмпирических данных, в понятийном аппарате.

В действительности же этническая общность, строго говоря, представляет собой не более чем статистическую совокупность. Она не является организацией, институтом или контактной группой, т. е. коллективом, в силу этого не обладает такими атрибутами социального субъекта, как способность делать выбор, свобода воли и ответственность. Этническая общность отличается от любой консолидированной структуры, в том числе претендующей на представительские функции; она не тождественна и своей активной прослойке, принимающей участие в тех или иных мероприятиях, актах массового волеизъявления. Обращает внимание сходство между аналитическим подходом, предполагающим субъектность этнической общности, т. е. этницистским подходом, и идеологией национальных движений. Заметна общая логика — в обоих случаях субъектность этнической группы постулируется, а не доказывается, само это утверждение является основой для теоретических моделей и понятийного аппарата. Этнические движения в границах бывшего СССР вполне освоили специальную терминологию: «этносоциальный организм», «права этноса на историческую территорию» и т. п. В свою очередь, в текстах, подготовленных в научных учреждениях, нередко используются выражения из митингового арсенала, лишённые в предлагаемом контексте рационального содержания: «национальное возрождение», «национально-освободительное движение» и др.

исследования или же результат воздействия идеологии и политических установок? И главное: адекватны ли логике самого изучаемого процесса понятийный аппарат и исследовательская модель — или нет? Соответствует ли эмпирический материал заданной изначально схеме или же наоборот — факты сопротивляются ей? Позволяет ли принятая концепция выделять из совокупности данных существенное и необходимое или уводит исследователя в сторону?

Авторам представляется более правдоподобной вторая часть каждого из вопросов. Свою мысль хотелось бы проиллюстрировать тремя сюжетами из современной общественно-политической жизни Узбекистана. Использованный фактический материал был получен во время полевых исследований 1985—1991 гг. в разных регионах Узбекистана (главным образом, в Ташкенте, Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областях), а также при изучении прессы, документов общественных движений, из бесед с активистами этих движений.

Политические движения

Осознанное или неосознанное стремление наблюдателей воспринимать современные общественные процессы как результат взаимодействия этнических общностей выглядит психологически объяснимым благодаря бурному росту этнических движений в последние годы. Группировки, прямо или косвенно претендующие на представительство тех или иных этнических групп, проявляют большую активность. Подавляющее большинство общественных и политических организаций в той или иной степени использует в своей деятельности идеологию этнического национализма. В ряде республик и регионов бывшего СССР с националистическими организациями не могут конкурировать по степени влияния те движения, которые не стремятся опираться на национализм. Можно ли считать эти тенденции универсальными? В любом случае — есть ли основания для рассмотрения политизированных группировок в качестве выразителей «этнических» интересов и проявления субъектности этнических групп как таковых?

Самодельные общественные и политические организации появились в Узбекистане в то время, когда перестроечная либерализация зашла достаточно далеко. С 1988 г. по настоящее время было создано несколько десятков группировок — точное число остается неизвестным. Большинство их не сумело сколько-нибудь заметно проявить себя в общественно-политической жизни республики. Общественности известны единицы.

В 1989 г. были созданы две организации, состоявшие почти исключительно из представителей «европейского» населения, — Демократическое движение Узбекистана (ДДУ) и Интернациональный союз народов Узбекской ССР (Интерсоюз). ДДУ представляло собой организацию-клуб, насчитывавшую несколько десятков активных членов, оно заявляло о себе как о движении социал-демократической ориентации. Фактически ДДУ действовало только в Ташкенте. Интерсоюз по своим программным установкам был аналогичен Интерфронтам в других республиках бывшего СССР — основной его целью была объявлена защита прав человека независимо от национальной принадлежности². Интерсоюз также действовал только в Ташкенте и численностью активистов не превосходил ДДУ. Обе организации объявили о своем создании в августе 1989 г., также почти одновременно прекратили свою деятельность в конце 1990 г., хотя формально продолжали существовать еще примерно около года. Их влияние на политическую ситуацию и на общественную активность русскоязычного населения было незначительным. В декабре 1991 г. несколько бывших активистов ДДУ и Интерсоюза создали Движение демократических реформ Узбекистана (ДДРУ)³, выступающее за демократизацию общественной жизни и рыночные реформы. Шансы и этой организации на завоевание сколько-нибудь заметной общественной поддержки выглядят иллюзорными.

«Ни ДДУ, ни Интерсоюз, ни ДДРУ не заявляли о себе как об этнических движениях. Неудачи подобного рода организаций в завоевании массового влияния на границах бывшего СССР — явление повсеместное. Какова судьба «этнически окрашенных» движений?»

Национально-культурные общества за последние годы в общественной жизни практически не проявили себя. Общественно-культурные объединения таджиков Самарканда, первоначально (1989—1990 гг.) громко заявившие о себе, также не оказали влияния на общественное мнение и политическую ситуацию.

Из организаций, объединяющих преимущественно узбеков, только две сумели стать заметными на местной политической арене — Народное движение Узбекистана «Бирлик» и Демократическая партия «Эрк».

Инициативная группа «Бирлика» объявила о своем создании 11 ноября 1988 г.⁴; учредительный курултай был проведен в Ташкенте 28 мая 1989 г. В феврале 1990 г. группировка во главе с поэтом Мухаммадом Солихом (С. Мадаминовым) вышла из «Бирлика», образовав свою организацию «Эрк», которая в июне того же года была провозглашена политической партией. В первой редакции программы «Бирлика» упор был сделан на поддержку перестройки, борьбу с бюрократическим произволом и на необходимость «национального возрождения». Вторая редакция, одобренная III курултаем (26—27 мая 1990 г.), в качестве основных целей организации выделяет достижение государственной независимости, построение светского демократического и правового государства, борьбу за права человека⁵. Во второй редакции программы четко прослеживается стремление ее авторов представить свою организацию не этническим, а общегражданским движением. Тем не менее в массовом сознании «Бирлик» является именно этноцентристским узбекским движением. Этому способствовал ряд обстоятельств: сам факт выступления против «диктата Москвы» и за государственную самостоятельность, характер фразеологии, используемой активистами организации в пропагандистской деятельности и т. п.

Программные положения партии «Эрк» практически идентичны установкам «Бирлика». Отличие между организациями в том, что «Эрк» долгое время (до весны 1992 г.) стремился поддерживать репутацию respectable и в целом лояльной властям оппозиционной партии, лидеры же «Бирлика» проявляли склонность к демонстративному оппонированию.

Граждане Узбекистана и прежде всего сельские жители, большинство которых составляют узбеки, сталкиваются с острыми социальными проблемами. Вполне естественным выглядит предположение, что оппозиционные властям и московско-му «Центру» национальное движение может получить значительную массовую поддержку. Как обстоят дела в действительности?

По ряду причин оценить степень влияния той или иной организации на общественное мнение и на общую ситуацию непросто, в частности из-за того, что оппозиционные движения в Узбекистане испытывают давление со стороны властей. Более того, осенью 1992 г. некоторые оппозиционные политические движения (в том числе «Бирлик») были формально запрещены властями. Действительно, политические преследования (угрозы увольнения с работы, запреты и разгоны митингов, конфискации печатной продукции) являются важным сдерживающим фактором, однако известны примеры того, как в сравнительно тяжелых условиях в начальный период перестройки некоторые этнические движения смогли стать массовыми и популярными (украинский Рух, некоторые движения на Северном Кавказе).

В феврале 1990 г. в Узбекистане прошли выборы в Верховный Совет и местные органы власти. По оценкам «Бирлика» и «Эрка», из 500 депутатов ВС «демократически настроены» всего 50—60, из них 10 «Бирлик» относит к своим сторонникам⁶. На президентских выборах 29 декабря 1991 г. лидер партии «Эрк» Мухаммад Солих собрал около 12% голосов. Во всех случаях результаты выборов, проведенных в условиях монополии одной политической организации на

власть и средства массовой информации, вряд ли могут считаться адекватным критерием популярности того или иного движения.

Можно попытаться использовать другие показатели. По разным оценкам конца 1990 г., численность членов и «Эрка», и «Бирлика» колебалась в пределах 5—7 тыс. для каждой организации, что для Узбекистана представляет величину не очень значительную. С тех пор, по имеющимся сведениям, заметного роста рядов оппозиции не наблюдалось. Несмотря на значительные усилия, обеим группировкам, по-видимому, не удалось создать работоспособные структуры на всей территории Узбекистана. Основная часть их активистов и сторонников живет в Ташкенте; сравнительно небольшие организации есть в областных центрах. Ни «Бирлик», ни «Эрк» не пользуются поддержкой в сельской местности (хотя во многих местах, несомненно, есть симпатизирующие им люди). Оба движения находят поддержку главным образом среди городской рабочей и учащейся молодежи «титупной» национальности, у части городской технической и гуманитарной интеллигенции, т. е. сравнительно узких социальных прослоек. Это характерно и для других государств Средней Азии.

По имеющимся сведениям, ни одна организация не сумела найти эффективных форм массовой работы. До конца 1991 г. ни «Бирлику», ни «Эрку» не удалось обеспечить регулярный выпуск своего печатного органа. Не были сформированы работающие организационные структуры, не дали результата попытки лидеров «Бирлика» создать дочерние организации (женское общество «Тумарис», Союз свободной молодежи Узбекистана)⁷, а также политическое ядро движения — партию «Бирлик» (провозглашена 17 июня 1990 г.).

Нет сведений о том, что акции оппозиционных организаций типа митингов, пикетов и т. п. встречают заметную поддержку населения. Даже в период наибольшей популярности «Бирлика», в начале 1989 г., его митинги в Ташкенте собирали, по признанию лидеров организации, не более 20 тыс. человек⁸.

Оппозиция в лице «Бирлика» держала в известной степени пропагандистскую инициативу в конце 1988 — начале 1989 г. Впоследствии, когда пришел к власти И. Каримов и обновленное республиканское руководство приступило к проведению тех реформ, за которые и выступала оппозиция (защита узбекского языка, раздача земли сельским жителям), инициатива полностью перешла в руки властей. Оппозиционные группировки не оказывали заметного влияния на ситуацию — во всех основных событиях в жизни Узбекистана последних лет (выборы, изменения в структурах власти, провозглашение независимости, ошские события) и «Бирлик», и «Эрк» оставались пассивными наблюдателями или же играли роль декоративной «карманной оппозиции».

Следует отметить, что и вне связи с деятельностью оппозиционных организаций население Узбекистана не продемонстрировало активной приверженности националистическим чувствам и идеям в моменты, когда этого можно было ожидать — во время ошских событий, в дни провозглашения государственной независимости.

В настоящее время в Узбекистане развивается исламистское движение. Есть сведения о политизированных группировках — Исламской партии Возрождения, организациях «Ислом лашкари» («Исламское войско»), «Адолат» («Справедливость»). Все они по массовости и потенциальному влиянию как минимум не уступают «Бирлику». По некоторым данным можно предположить, что гораздо большее число людей участвует в движении, не ставящем пока перед собой политических целей, а решающем просветительские задачи. В массовом сознании за ним закрепилось наименование «ваххабиты». Имеющиеся сведения и о политизированных исламских группировках, и о так называемых «ваххабитах» фрагментарны и скудны. Во всяком случае нет никаких оснований считать, что узбекистанские исламисты склонны использовать этнические или «национально-освободительные» лозунги.

В итоге вырисовывается следующая картина. Общественно-политическая деятельность служит средством личного самовыражения для небольшой группы

людей. Политизированные группировки не пользуются массовой поддержкой. Этнический национализм не пробуждает массовой активности. Аналогичная ситуация наблюдается и в других государствах Средней Азии. Как об исключении в известной степени можно было говорить о Таджикистане, в котором сложилось сравнительно массовое национальное движение, — до тех пор, пока в 1992 г. националистические группировки не втянулись в регионально-клановое противостояние.

В обществе и во властных структурах протекают сложные процессы, среди них — формирование этнических движений и распространение националистической идеологии. Для понимания всего комплекса проблем необходимо адекватно оценить роль и место этнического национализма в конкретном обществе в конкретное время. Этнистский же подход, попытка описывать ситуацию в категориях «взаимодействия этнических групп», «политизации этничности», «роста национального самосознания» не только создает угрозу искаженного восприятия действительности, но уведит в сторону от постановки ряда ключевых вопросов. Точнее, в подобных случаях ответ заключается в самой постановке проблемы и в характере понятийного аппарата.

Конфликты с применением насилия

Несколько раз на протяжении последних 5 лет представители некоренного населения Средней Азии становились объектами массовых насильственных действий. В июне 1989 г. в Ферганской области Узбекистана произошли погромы месхетинских турок. В Андижане 2 мая 1990 г. толпа молодежи разгромила квартал, населенный армянами и бухарскими евреями; человеческих жертв, к счастью, не было. В Душанбе в феврале 1990 г. во время массовых беспорядков подвергались нападению армяне и русские. В Намангане 30 ноября 1990 г. толпой были убиты пятеро солдат внутренних войск. Можно назвать еще несколько меньших по масштабам и менее известных происшествий подобного рода. Во всех случаях представители одних этнических групп совершали насильственные действия в отношении других этнических групп. Можно ли рассматривать упомянутые инциденты в качестве «межэтнических конфликтов» или как результат столкновения «этнических интересов»? Насколько результативным будет подобный подход?

Ферганские события — трагедия, выделяющаяся из названных выше по своим масштабам и общественному резонансу. 23 мая 1989 г. в г. Куvasай Ферганской области произошли столкновения между турецкой и узбекской (преимущественно) молодежью. 3 июня начались погромы турок в Фергане, Маргилане, поселках Комсомольский и Ташлак. Беспорядки происходили также в Намангане, Коканде, отдельных кишлаках области (в Куvasае происшествий не было). Через неделю после начала беспорядков они были прекращены, и к концу июня обстановка в целом стабилизировалась⁹. Во время ферганских событий погибло около 100 человек, сожжено более 700 домов¹⁰. К концу июня в Россию было эвакуировано из Ферганской, Андижанской и Наманганской областей более 16 тыс. турок¹¹.

Многие обстоятельства трагедии до настоящего времени не ясны; информации, ставшей достоянием гласности, явно недостаточно для объяснения причин и логики событий. Возможно, это вызвано объективными трудностями, в частности тем, что арестованные участники погромов оказались не в состоянии дать содержательные сведения об их организаторах. Опросы местного населения также не очень информативны, в лучшем случае они позволяют воссоздать психологическую атмосферу тех дней и состояние людей — растерянность и страх перед неведомой, неопределенной опасностью, в обстановке массового панического психоза персонифицированной в «турках». Эти обстоятельства отчасти объясняют то, почему люди пассивно, а иногда и активно поддерживали погромщиков, но не указывают на причины событий.

Чем менее ясны фактические обстоятельства, тем больше рождается версий.

Сразу же необходимо отметить, что до настоящего времени не предложено ни одного не только исчерпывающего, но и достаточно ясного и убедительного объяснения причин событий. Из различных версий, используемых в специальных и популярных публикациях, в той или иной степени затрагивающих тему ферганской трагедии, наибольшей популярностью пользуются те, которые лежат в русле этнического подхода. Их две: объяснение причин событий конкурентной борьбой между турецкой и узбекской «общинами» из-за престижных и доходных отраслей деятельности и предположение, что турки стали жертвой агрессивного национализма или выступления узбеков против «инородцев».

Представление об острой и масштабной социальной конкуренции между турками и узбеками в Ферганской долине в целом не подтверждается фактами. Среди турок — жителей области только единицы работали в аппарате управления, торговле и в системе распределения материальных ресурсов. Это показали материалы, собранные следственными органами после событий¹², а также наши полевые исследования, в частности, опрос беженцев. Турки получали немалый доход от своих приусадебных участков, но в этом они не отличались от представителей других этнических групп. Возможно, часть турок по тем или иным причинам выделялась уровнем доходов, но это вряд ли могло восприниматься кем-либо в Фергане как нечто особенное, тем более что в области есть более мобильные в социальном отношении и более многочисленные, чем турки, группы — крымские татары, корейцы, армяне. Всего в Ферганской области в 1989 г. насчитывалось 13,6 тыс. турок, что составляло 0,6% населения¹³. Расселены они были дисперсно — в Фергане, Маргилане, Коканде, Куве, Кувасае, Ташлаке и других населенных пунктах. Представляется маловероятным, чтобы столь малочисленная дисперсная группа могла составить ощутимую конкуренцию этническому большинству, тем более спровоцировать всплеск враждебности такого масштаба в столь острых формах.

Один из вариантов упомянутой версии был предложен представителем власти во время событий и впоследствии многократно повторен в различных публикациях и выступлениях. Речь идет о предположении, что события явились следствием острого соперничества двух мафиозных группировок — турецкой и узбекской¹⁴. Имеющиеся сведения не подтверждают факта существования в Фергане сплоченной и организованной турецкой «общины». О многом говорит то обстоятельство, что во время погромов турки не делали попыток организовать коллективное сопротивление. Предположения о «теневых» турецких группировках носят спекулятивный характер и также не находят фактического подтверждения. «Мафиозная» версия, по существу, означает приблизительно следующее. Некая криминальная структура бросает большие силы и средства на организацию широкомасштабных беспорядков. Тем самым она неизбежно создает множество неконтролируемых каналов утечки информации и рискует быть разоблаченной. Эта группировка идет на прямую конфронтацию с властями и на прямое соприкосновение с войсками и правоохранительными органами, представляющими непосредственно Москву. И все усилия — ради устранения сравнительно небольшой группы конкурентов? При всех наших смутных представлениях об организованной преступности трудно поверить в то, что «мафия» не может придумать менее трудоемких и рискованных способов «нейтрализации» соперников.

В трактовке событий как результата «сговора узбеков» с целью продемонстрировать «инородцам», кто является «хозяином» в республике¹⁵, содержится мистический элемент. Во-первых, на помощь вновь призывается фиктивный субъект — «титовый этнос» — как некий единый социальный организм, наделенный свободой воли и способностью принимать решения. Во-вторых, неясно, в каких организационных формах воплотилась пресловутая «воля узбекского народа»: нет данных ни о существовании тайного влиятельного националистического движения, ни о причастности к событиям маломощного к тому же «Бирлика»¹⁶. Остается также открытым вопрос, почему сильное подполь-

ное националистическое движение (если оно существовало) никак не проявило себя после ферганских событий — политические группировки, тем более националистические, не склонны к самоконсервации.

Следует вновь заметить, что ни одна из предлагавшихся версий не позволяет объяснить причины ферганской трагедии — из-за недостатка фактов, из-за того, что известные обстоятельства практически невозможно связать в единую логическую цепочку. Ни одна из версий, например, не объясняет того, что произошло после ферганских погромов. В течение года из Узбекистана выехало подавляющее большинство живших там ранее турок, они покидали республику в результате давления и угроз прежде всего со стороны представителей власти; нередко выезд турок (например, из ряда районов Ташкентской области)¹⁷ принимал характер принудительной эвакуации. Более 90 тыс. турок, покинувших Узбекистан, находятся в настоящее время в Азербайджане и в некоторых областях Российской Федерации, большинство — на положении беженцев. Столь массовое переселение в короткий срок (1989—1990 гг.) уже не является внутренним делом Узбекистана, но оно не освещалось в средствах массовой информации и не вызвало официальной реакции ни других республик, ни «Центра». Это наводит на мысль, что к событиям причастны и силы, находящиеся за пределами Узбекистана.

Многие обстоятельства событий в Фергане красноречиво свидетельствуют о том, что беспорядки были тщательно подготовлены и организованы. Главные причины трагедии лежат в сфере политических отношений; сами же события явились результатом стечения ряда обстоятельств и сложной игры различных сил внутри Узбекистана и за его пределами.

Упомянувшиеся выше события — наманганские, андижанские, душанбинские — во многом похожи на ферганские. Для них всех характерны внезапность, немотивированность (внешняя), отсутствие организаций или структур, берущих на себя ответственность за происшедшее. Во всех случаях косвенные признаки заставляют думать об изначальной запланированности и организованности столкновений.

В отличие от имевших место в недалеком прошлом массовых насильственных действий и «этнических чисток» на Кавказе и в других регионах, которые можно увязать с деятельностью этнических движений и распространением агрессивных националистических лозунгов, среднеазиатские события протекают при относительно слабом воздействии подобных факторов или при отсутствии очевидного их воздействия.

Веские основания заставляют предполагать, что ключевые причины ряда событий, связанных с массовым насилием, следует искать в области политических отношений, в частности внутри властных структур. Политические процессы в целом лежат вне сферы компетенции этнологов. Это не означает, что их не надо анализировать, но внимания заслуживают отношения реальных субъектов, а не псевдосубъектов.

Проблемы некоренного населения

В настоящее время внимание специалистов привлечено к проблемам так называемого некоренного населения, представляющего этнические группы, большая часть которых сосредоточена за пределами Средней Азии. По данным переписи 1989 г., в населении Узбекистана узбеки составляют 71,4, а некоренные жители — 15,7% (из них лиц европейских национальностей 10,1, русских 8,3%)¹⁸. В наши дни положение некоренного населения характеризуется плохим социальным самочувствием. Люди опасаются за свое будущее и личную безопасность; происходит их массовый отток за пределы государства. И среди наблюдателей извне, и среди жителей региона наиболее распространено мнение, что происходящее — следствие «национализации» общественной и политической жизни

республики. Эта точка зрения обосновывается на первый взгляд объективными обстоятельствами: в многонациональном обществе глубокие языково-культурные, конфессиональные и социальные различия между этническими группами порождают определенный потенциал конфликтности и конкуренции, а государство, выражающее интересы в первую очередь «титულიной» нации, стремится обеспечить основу именно для ее беспрепятственного развития. Насколько результативен подобный подход, позволяет ли он адекватно отражать происходящие процессы?

Стереотипные представления о межэтнической конфликтности связаны с идеей «этнической» государственности, которая давно стала неотъемлемой частью и официальной идеологии, и массового сознания. Представления о том, что субъектом государственности выступает «титულიная» этническая общность (которая в определенный период получает возможность реализовывать свои «национальные интересы»), предполагают нелегитимность нахождения в обществе других, «некоренных» групп. Происходящие в Узбекистане изменения, означающие для «европейцев» разрушение их социальных перспектив и гарантий, воспринимаются через призму этногосударственных идей. Этому способствует и известная распространенность националистических настроений у узбеков, особенно в городской среде. Рождается обобщенный образ «титულიной» нации, борющейся за «вытеснение» некоренного населения, представители которого воспринимают себя как жертвы этих процессов. На самом же деле за субъективным образом скрывается ряд качественно различных процессов, не допускающих однозначной интерпретации с точки зрения этнической концепции. Обратимся к фактам.

Основная масса некоренного населения сформировалась в Узбекистане при советской власти. И до, и после 1917 г. с российскими переселенцами объективно было связано прежде всего развитие товарного производства, в том числе в сельском хозяйстве, промышленное, транспортное строительство, рост городов. Принятый в СССР курс на ускоренную индустриализацию региона, которая осуществлялась преимущественно силами приезжих специалистов и рабочих, предполагал массовые миграции в Среднюю Азию из более развитых в промышленном отношении районов. Эти миграции не были вполне добровольными, в то же время они стимулировались некоторыми льготами для новоселов, облегчавшими их устройство на новых местах, а также мерами по распространению русского языка, без которых были бы немислимы ни взаимодействие промышленных комплексов и государственных структур в различных регионах СССР, ни возможность полноценной работы прибывающих кадров. Именно местные работники были поставлены перед необходимостью осваивать русский язык, в то время как от приезжих знание узбекского не требовалось. Изменение этнического и социального состава Средней Азии связано также со сталинской депортацией отдельных народов, живших в России, большая часть представителей которых также оказалась занята не в сельском хозяйстве, где традиционно преобладали коренные жители, а в промышленности и (реже) в непродовольственных сферах. Постепенно таким образом складывалось противостояние между «узбекоязычной средой», охватывавшей в основном сельские районы, а также старые городские кварталы, жители которых не порывали с традиционным образом жизни, и урбанизированным русскоязычным населением, «современной» городской средой. Однако этот процесс «разделения общества» отнюдь не стал необратимым для Средней Азии, к 60—70-м годам он затормозился, а в последние два десятилетия получили развитие другие тенденции. Миграционное сальдо России с Узбекистаном стало отрицательным, абсолютная численность «европейцев» ежегодно сокращалась, в городах заметно возрастала доля местного населения — следствие очень высокого естественного прироста, возросшей миграции из сельских районов; на формирование городской среды большое влияние стали оказывать и маятниковые миграции сельских жителей в пределах одной области.

Политика «Центра» в регионе длительное время проводилась через высших чиновников европейского происхождения. В 1960—1970 годы шел процесс замещения этих руководящих кадров представителями «титупной национальности». По-видимому, реальная власть «Центра» ослабевала, а республиканских органов возросла; кроме того, в Средней Азии успела сформироваться новая местная интеллигенция, получившая европейское образование и способная самостоятельно управлять сложившейся там государственной системой. Уже тогда наметилась тенденция, ясно проявившаяся после распада СССР: в этих республиках изменялось отношение к русскоязычному населению. Были поставлены под сомнение многие «завоевания советской власти» в регионе: индустриализация по советскому образцу, развитие комплексов тяжелой промышленности, ориентированных главным образом на союзные нужды, урбанизация в европейском понимании, которая явно не вязалась с представлениями основной массы коренных жителей, сохранявших традиционный образ жизни. На союзную политику также возлагалась ответственность за катастрофическую экологическую ситуацию в отдельных районах Средней Азии, за подчинение сельского хозяйства монокультуре хлопчатника. В республиках наблюдалось сопротивление дальнейшему распространению русского языка.

Таким образом, обретение Узбекистаном, как и другими республиками региона, независимости естественным образом предполагало отход от искусственно насаждавшегося «советского» пути развития, негативное отношение к которому переносилось на русскоязычное население. Этому способствовали следующие обстоятельства. Прибывая в Среднюю Азию в качестве «проводников» советской политики, русскоязычные граждане становились здесь более зависимыми от властей, более «объектными» в отношении государства, чем коренное население. Положение мигрантов сужало их поле социального выбора и маневра, так как жизненное благополучие этой категории населения зависело прежде всего от стабильности данного политического курса, которым и определялись для нее гарантии социальной защищенности. Ожидаемыми поэтому были и ориентация русскоязычных жителей на сильное центральное руководство, и неприятие ими распада Союза и последующего образования независимых государств в Средней Азии. Переселившись туда, они продолжали оставаться в Союзе и в настоящее время не признают себя гражданами иных образований. По убеждениям они — либо россияне, либо приверженцы СССР (из русских, проживавших в Узбекистане в 1989 г., 51,7% не были его уроженцами)¹⁹.

Следует также принять во внимание укоренившуюся в массовом сознании доктрину этничности государственной власти, следование которой предполагает, кроме прочего, признание определенного единства правительства, представляющего прежде всего данную нацию, и рядовых граждан, образующих ее. Поскольку эти стереотипы распространены и у узбеков, и у русскоязычных жителей, ответственность последних за деятельность в регионе союзного руководства не отрицалась в принципе и ими самими.

Наметившиеся в последние годы процессы — отход от нетипичного для Средней Азии пути развития, предлагавшегося прежней системой, переориентация в соответствии с настроениями и возможностями основной массы населения, так же как и экономический распад СССР, и затронули интересы русскоязычных жителей. Последствия перемен могли быть для них более сглаженными, если бы в основе вновь образованных государств не лежали черты бывшего политического устройства (что, впрочем, нереально), имевшего в целом тоталитарный характер и зараженного этницистскими идеями. В советский период проблемы социального самочувствия этнических меньшинств отчасти снимались благодаря одной из составляющих официальной пропаганды — идеям классовой солидарности, интернационализма и единства СССР. Теперь же, в период децентрализации, на первый план вышла другая составляющая — этнонационалистическая.

Тем не менее, анализировать современную обстановку с точки зрения

обострения напряженности между этносами, этническими группами — значит игнорировать очень существенные реалии.

Во-первых, выделяя участников потенциального взаимодействия, целесообразно говорить не о различиях между этническими группами, а о размежевании двух больших социальных массивов, каждый из которых этнически неоднороден и не характеризуется однозначно и четко каким-либо из употребляющихся условных терминов: население коренное — пришлое, узбекоязычное — русскоязычное, азиатское — европейское, поскольку в любом случае найдется достаточно значительная группа людей, которых можно с равным основанием отнести и к той, и к другой категории (например, русскоязычные узбеки), либо нельзя причислить ни к одной из них (например, таджикоязычные бухарские евреи, маргинализированные слои, выходцы из национально-смешанных семей). Однако, абстрагируясь от некоторой неопределенности данной схемы, оба массива можно разграничить по ряду признаков: истории формирования, социально-профессиональному составу, языково-культурной ориентации, конфессиональной принадлежности, стереотипам социального поведения. Пришлое, главным образом «европейское» население, представлено, как уже отмечалось, в основном горожанами, занято преимущественно в крупной промышленности, отчасти в науке, образовании. Большая часть коренных жителей сосредоточена в сельской местности, ориентируется на работу в сельском хозяйстве, в различных непроизводственных сферах — в обслуживании, торговле, управлении. Представители одного из массивов в общественной жизни пользуются русским языком, молодежь стремится к получению образования на этом языке. Во время проведения переписи 1989 г. в Узбекистане русский язык назвали родным 44% корейцев, 50% украинцев, 67% европейских евреев, 52% немцев²⁰. В действительности доля использующих в быту русский язык существенно выше. В целом население делится по преимущественной ориентации на один из двух нормативных языков, обслуживающих коммуникации, — русский и узбекский (русским владеют 22% узбеков, а узбекским — 4,5% русских)²¹, и на одну из двух основных референтных культур. Внутри массивов есть определенные различия, отдельные этнические группы занимают промежуточное положение (татары, турки, корейцы), в городской местности тяготея к европейцам. На основании этих обстоятельств определяются предпочтения в межличностных отношениях, формируются свои круги общения.

Во-вторых, в Узбекистане в настоящее время в целом не прослеживается сколько-нибудь четкой государственной политики в отношении людей некоренных национальностей. Коренное, особенно сельское население, слабо политизировано — активна лишь достаточно тонкая прослойка горожан, деятельностью которой во многом и определяется «общественное мнение». Неизвестны и организации, занимающиеся пропагандой против иноэтничного населения. Формально узбекские власти не проводят политики, связанной с вытеснением «европейского» населения, и этим Узбекистан выгодно отличается, например, от Латвии и Эстонии, где «ненасильственное вытеснение» «нетитульного» населения фактически провозглашено в качестве государственной политики. В среднеазиатских республиках в выступлениях представителей официальных кругов высказываются озабоченность массовым оттоком «европейцев», желание проявить заботу о их безопасности и благополучии. В государствах этого региона жителям предоставляется право получить узбекское гражданство без ограничивающих условий (знание языка, ценз оседлости).

Большое беспокойство русскоязычного населения во многих государствах, образовавшихся после распада СССР, вызвали законы о языке. Принятый в октябре 1989 г. в Узбекской ССР «Закон о государственном языке» сравнительно мягок, в нем даны гарантии и оговорены условия применения русского языка, определены значительные сроки подготовки для перевода делопроизводства и работы государственных учреждений на узбекский²².

В то же время закон о языке, как и отдельные идеологические установки, нередко негативно используются различными управленческими структурами, например руководством учреждения, для давления на некоторых сотрудников некоренных национальностей, ограничения их социальных перспектив. Это относится прежде всего к престижным сферам деятельности, где есть определенная конкуренция между представителями отдельных групп: сфере управления, элитному интеллектуальному труду (гуманитарные науки, культура, образование, здравоохранение), обучения в высших учебных заведениях. Вместе с тем поле для социальной конкуренции между двумя массивами объективно ограничено. Столкновение интересов из-за получения престижной работы затрагивает лишь небольшую «продвинутую» прослойку в обеих группах: узбеков не привлекает работа на крупных промышленных предприятиях, некоренное же население, живущее преимущественно в городах, практически не участвует в разделе земельного фонда.

Реальное ухудшение социальных перспектив для «европейцев» во многом определено объективными факторами, не зависящими от деятельности конкретных политических лидеров: общим спадом в экономике, нарушением межрегиональных связей. Эти изменения коснулись в первую очередь индустриальных предприятий, бывших в союзном подчинении, не ориентированных на республиканский комплекс, имевших производственные структуры за пределами Узбекистана, получавших оттуда оборудование, комплектующие детали, а иногда и сырье, вывозивших туда же готовую продукцию²³. Власти Узбекистана объективно слабо заинтересованы в дальнейшем существовании таких предприятий (что не зависит от каких-либо национальных приоритетов, хотя там заняты главным образом русскоязычные работники) в отличие от развития «внутренней промышленности» — прежде всего легкой, пищевой и хлопкообрабатывающей, непосредственно обеспечивающей потребительские товары и частично слитой с сельским хозяйством.

По-видимому, наиболее болезненно жители некоренных национальностей должны переживать (хотя, возможно, это не всеми осознается) вытеснение своих представителей из сферы управления, что ведет к лишению их единственной возможности влиять на ситуацию и в республике, и на местах, ставит их в положение «манипулируемого населения». Дело в том, что эта часть общества оказалась в значительно большей зависимости от органов власти и государственной системы распределения ресурсов, чем коренное население. В Узбекистане сильно влияние на общественные процессы традиционных корпоративно-клановых структур, некоторые из них приобретают функции местных административных органов (в частности, общинный институт махалля). Большинство жителей некоренных национальностей, как правило, не включены в эти отношения. Негативно в конечном счете сказалась их социально-профессиональная принадлежность. Занятость в областях, работники которых максимально отчуждены от каких бы то ни было форм собственности на средства своего труда и продукцию, специфика проживания в городах, в государственных квартирах также способствуют их пассивности в отношении к власти, в отличие от тех групп коренного населения, лидеры которых благодаря корпоративным связям, доступам к рычагам перераспределения материальных благ, должностей и владению собственностью (участки земли, дома) могут оказывать давление и на местное, и на республиканское руководство.

В целом у русскоязычного населения (за исключением некоторых сравнительно небольших этнических групп) способность и стремление к самоорганизации выражены крайне слабо, как и активность по защите своих гражданских прав и обеспечению безопасности. В настоящее время, столкнувшись с очень значительными переменами («инонациональное» государство перестает о них заботиться, союзные органы потеряли дееспособность, становятся реальной возможностью масового насилия и, напротив, призрачными какие-либо гарантии защищенности), они оказались бессильны что-либо противопоставить им. И это — не следствие

этнического противостояния, а в чем-то объективный и закономерный процесс, лишь минимально, судя по всему, зависящий от пожеланий и возможностей конкретных политических лидеров.

* * *

Никто не сомневается в том, что при изучении реально участвующих в общественных процессах структур, группировок, организаций или индивидов должны учитываться многие факторы, в их числе и этнический. Возражение вызывает то обстоятельство, что этнический фактор, точнее то, что за ним стоит, определяет саму логику понятийного аппарата и подход к анализу действительности. Иными словами, абстрактная схема, предназначенная фактически для обоснования идеологических установок, применяется для описания реальных событий. Это составляет достаточно глубокую и серьезную, на наш взгляд, проблему. Она сложнее, чем представляется на первый взгляд. Этницистский подход не связан жестко с какой-либо концепцией, в тех или иных разновидностях он прослеживается в разных теоретических построениях — и в советской и в зарубежной науке; его влияние не всегда однозначно и четко фиксируется. С этим связана трудность окончательной формулировки самой проблемы.

Один из аспектов проблемы — адекватность отражения действительности. Этницистский подход позволяет выстраивать простые, правдоподобные, но далекие от реальности схемы. Другой аспект связан с тем, что подход этот является важным элементом не только ряда исследовательских концепций, но прежде всего идеологии и массового сознания. В настоящее время в нашей стране общественные дисциплины фактически дарят политизированной интеллигенции и этническим движениям этницистскую терминологию и мифологию; в процессе же изучения общественного сознания те же стереотипы фиксируются наблюдателями, подтверждая первоначальные спекулятивные предположения. Наука, как и прежде, выполняет важную идеологическую функцию: с одной стороны, своим авторитетом прикрывает те или иные идеологемы и помогает идеологам сформировать свой понятийный аппарат, с другой — сама испытывает сильное влияние идеологии. Прежде в нашей стране наука развивалась под прессом классовых доктрин. Теперь на их место постепенно «заступает» этнический национализм. Правда, представители общественных наук способствуют распространению и развитию идеологии добровольно и нередко неосознанно. Их соучастие в этнических движениях пока еще рассматривается как редкая экстремальная ситуация, тем не менее подобные случаи отражают общую тенденцию.

Проблема имеет и мировоззренческую и этическую стороны. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что этницистский подход и этнический национализм как идеологии имеют общую внутреннюю логику и единую ценностную ориентацию. В основе последней — отношение к человеку как к объекту; вывести из нее производные относительно несложно. Вольно или невольно наука способствует распространению, развитию и закреплению в общественном сознании антигуманной системы ценностей. Вряд ли эту проблему стоит игнорировать.

Примечания

¹ См., например: Суколов А. А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. М., 1990. Вып. 20; Дробижва Л. М. Этническое самосознание русских в современных условиях: идеология и практика // Сов. этнография (далее — СЭ). 1991. № 1; Кузнецов А. И. Автономия или самоуправление // СЭ. 1990. № 2; Перепелкин Л. С., Шкартан О. И. Экологический суверенитет республик и пути развития народов (Теоретическая дискуссия вокруг вопросов практической жизни) // СЭ. 1989. № 4.

² Состояние страны. Аналитический вестник/Информационное агентство Postfactum. М., 1991. № 6. С. 37—38.

- ³ Экспресс-хроника. 24 марта 1992 г. № 12(242).
- ⁴ Спецвыпуск пресс-центра Народного движения Узбекистана «Бирлик». Ташкент, 1990, авг.
- С. 2.
- ⁵ Общая программа Народного движения Узбекистана «Бирлик». Ташкент, 1989; Узбекистон «Бирлик» Халк Харакати. Дастур ва Низом. Тошкент, 1990.
- ⁶ Спецвыпуск пресс-центра Народного движения Узбекистана «Бирлик». С. 19.
- ⁷ По сведениям, полученным авторами в ходе бесед с активистами «Бирлика».
- ⁸ Спецвыпуск пресс-центра Народного движения Узбекистана «Бирлик». С. 1, 3.
- ⁹ Лурье М., Студеникин П. Запах гари и горя. Фергана, тревожный июнь 1989 г. М., 1990.
- С. 4—17.
- ¹⁰ Там же. С. 23.
- ¹¹ Ферганская правда. 25 июня 1989 г.
- ¹² Красная Звезда. 17 авг. 1989 г.
- ¹³ Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 100.
- ¹⁴ Лурье М., Студеникин П. Указ. раб. С. 30—31.
- ¹⁵ Панеш Э. Х., Ермолов Л. Б. Турки-месхетинцы (историко-этнографический анализ проблемы)//СЭ. 1990. № 1. С. 18.
- ¹⁶ Ферганская правда. 28 июня 1989 г.; 19 авг. 1989 г.; 26 авг. 1989 г.
- ¹⁷ Ватан Эшки (орган общества месхетинских турок «Ватан»). № 2, апр. 1991 г.; № 3, май 1991 г.
- ¹⁸ Национальный состав населения СССР. С. 92.
- ¹⁹ Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992. С. 52. Табл. 19.
- ²⁰ Национальный состав населения СССР. С. 92.
- ²¹ Там же.
- ²² Закон Узбекской Советской Социалистической Республики о государственном языке Узбекской ССР. Ташкент, 1989.
- ²³ Нарзикулов Р. Двудликий Янус в сердце Азии: некоторые итоги 70-летнего развития среднеазиатских республик в составе СССР//Восток. 1991. № 5. С. 121—129.

Interethnic Relations: a View on Uzbekistan

A typical way of description of social and political trends is analyzed by the authors. It is marked that evolution is usually regards to be a result of contacts of ethnic groups as a real subject of social relations. Examining a obvious facts of social and political reality in Uzbekistan (political movements, conflicts, problems of non-indigenous population) the authors prove that such a way unequally reflects real trends and natural development.

O. I. Brusina, A. G. Osipov

© 1993 г., ЭО, № 3

Ли Квангю

КОРЕЙСКАЯ ДИАСПОРА В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ*

В в е д е н и е. В наши дни более 5 млн корейцев (а это примерно 8,3% населения Корейского полуострова) проживает за его пределами. Корейская диаспора является второй по численности в мире, уступая только китайской. По процентному соотношению с населением страны происхождения корейцы уступают лишь ирландцам, но они лидируют по числу стран их иммиграции. Представители корейской диаспоры проживают в более чем 70 государствах: в Азии, Европе, Северной и Южной Америке и в Австралии.

* Доклад на I Международной конференции «Корейское зарубежье в общемировом контексте» (3—5 ноября 1992 г., Сеул). Печатается с сокращениями.